

ЭТАПЫ ПЕРЕХОДА К МУСУЛЬМАНСКОМУ ПОГРЕБАЛЬНОМУ ОБРЯДУ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Д. АБДУЛЛОЕВ

Среди памятников материальной культуры Средней Азии особое место занимают могильники. Они привлекали пристальное внимание таких ученых, как Н. И. Веселовский (1901; 1907), К. А. Иностранцев (1909), В. В. Бартольд (1966), Б. Я. Ставиский (1952; 1954; Ставиский, Большаков, Мончадская 1953), Б. А. Литвинский (Литвинский, Седов 1984), А. Мирбабаев (1994), Ю. А. Рапопорт (1971), М. Б. Мейтарчян (1999), В. Ю. Крюкова (Хисматуллин, Крюкова 1997). В данной статье с помощью археологических, письменных и этнографических источников рассмотрены типы погребальных сооружений и способы захоронения в них с целью выделения этапов перехода от зороастрийского погребального обряда к мусульманскому.

Зороастризм — древняя религия, которая была широко распространена на Среднем Востоке и в Средней Азии. Согласно учению основателя религии, пророка Зороастра, смерть является злом, поэтому труп считался наделенным нечистой силой. Зороастризм категорически запрещал погребение человека в земле и воде, так как тело, соприкасаясь с этими сакральными для зороастрийцев стихиями, может осквернить их. Трупосожжение тоже не допускалось, так как огонь и воздух также были священными для последователей пророка Зороастра.

В связи с этим возникает вопрос: как и где хоронили покойников зороастрийцы? Ответ находится в Видевдате, части Авесты, которая являлась книгой, священной для зороастрийцев. Для каждого этапа погребального обряда существовали специальные постройки. Вначале тело переносили в помещение, которое называлось «ката». Эта постройка, высотой в человеческий рост и шириной в размах рук, служила для оставления трупа в тех случаях, когда его нельзя было сразу же перенести на «дахму». Обычно строили отдельные «каты» для мужчин, женщин и детей. Существовали и семейные «каты» (Иностранцев 1909: 105, 107; Мейтарчян 1999: 10, 50; Хисматуллин, Крюкова 1997: 207, 228).

В Средней Азии известны два пункта, где были обнаружены постройки, которые исследователи интерпретируют как «ката». Одно такое сооружение находится в Хорезмской области Узбекистана, в Беркуткалинском оазисе. Здесь при раскопках замка № 36 обнаружено пристроенное к нему помещение, которое, по предположению С. П. Толстова, являлось «катой». Эта квадратная постройка (4,5 × 4,5 м) с узкой высокой суфой вдоль южной и западной стен имела купольное перекрытие. В центре помещения находилась овальная яма (Толстов 1948: 149). Вторая «ката» была обнаружена в Таджикистане в пригороде Пенджикента (согдийский город Панчкат, араб. Бунчикас). Здесь было вскрыто небольшое сводчатое помещение, вдоль северной и западной стен которого располагались высокие суфы, а в центре находилась яма (Ставиский 1954: 5, 6).

Затем труп выставляли в «дахме», сооружении, на котором тело терзали хищные птицы. Следует отметить, что постройка «дахмы» не была обязательной. Ее могли заменить горы и холмы. В шестом фаргарде Видевдата говорится, что

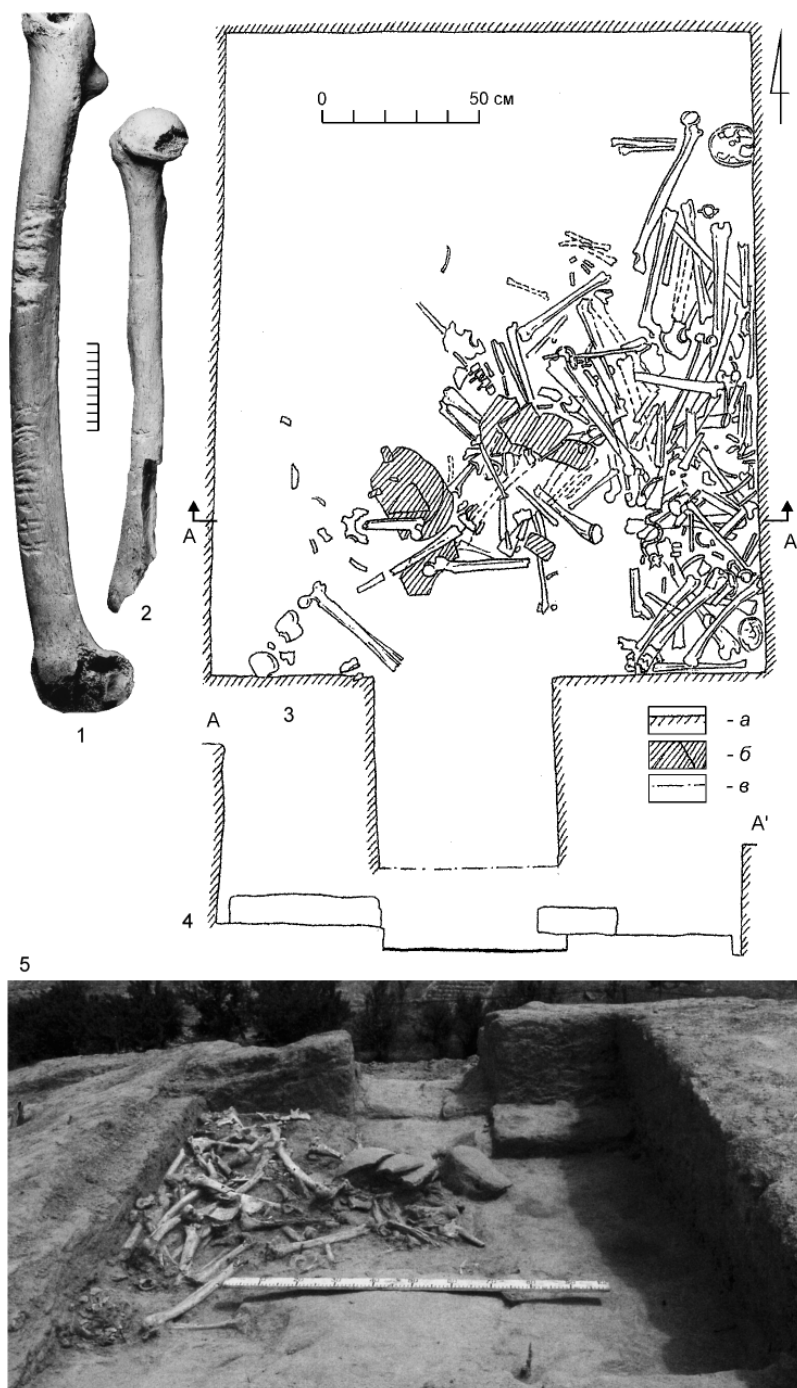

Рис. 1. Древний Пенджикент (VII–VIII вв.): 1, 2 — человеческие кости со следами зубов собак; 3, 4 и 5 — наземный однокамерный склеп с остатками труположений (план, разрез и фотография)

труп можно оставить на самых высоких местах, разместив так, чтобы хищники и птицы не разнесли его кости на воду и растения (Иностранцев 1909: 108, 110; Хисматуллин, Крюкова 1997: 210, 219). Аналогичные сведения имеются и в китайских письменных источниках. В истории Вэйской династии говорится, что в Боси (Персии) труп выставляли на холмах. Другой китайский источник — «История северных дворов» — сообщает, что в Персии покойников бросают в горах (Бичурин 1953: 30, 31). Практиковали и другой способ отделения мягких тканей от костей. Те же китайские источники сообщают, что за городскими стенами Самарканда проживала группа людей, державших обученных собак, которые пожирали плоть мертвецов (Там же: 20, 25). Эти сведения подтверждаются археологическими данными. На раннем мусульманском кладбище Пенджикента обнаружены человеческие кости со следами собачьих зубов (рис. 1, 1, 2).

Начиная со II в. до н. э. и вплоть до VIII в. н. э. в Средней Азии существовали наземные склепы: однокамерные, видимо, семейные, и многокамерные, вероятно, родовые. Они были построены из блоков пахсы и сырцового кирпича. Эти строения имели квадратную, прямоугольную и крестообразную планировку со сводчатым, плоским или купольным перекрытием. Способ захоронения в склепах — труположение. Покойный лежал на спине, его сопровождал погребальный инвентарь. Количество погребенных зависело от размера склепа. Так, в однокамерном склепе некрополя Тепаи-шах (Таджикистан) на суфах и на полу были обнаружены разрозненные кости и 5 черепов, а в четырехкамерном склепе того же некрополя находилось более 50 черепов (Литвинский, Седов 1984: 85).

В раннем средневековье (V–VIII вв. н. э.) этот способ погребения сохраняется, однако многокамерные склепы вытесняются однокамерными. К ним относятся склепы Муг-хана в Согдийской области (Таджикистан) (Агзамхаджаев 1965: 155–158), вблизи поселка Тюябугуз Ташкентской области (Узбекистан) (Агзамхаджаев 1962: 194, 209) и в Пенджикенте (рис. 1, 3–5; Маршак и др. 2006: 39, 43).

В это же время кроме наземных появляются склепы, вырубленные в скалах. К ним относятся гробницы Бит-тепе в Сурхандарьинской области на юге Узбекистана (Ртвеладзе 1986: 194, 209) и Курката в Согдийской области Таджикистана (Мирбабаев 1994: 15, 22). Способ погребения в этих склепах такой же, как и в наземных: труположение на спине с сопровождающим покойного погребальным инвентарем. В каждой гробнице были захоронены не более 10–20 человек разного пола и возраста, включая детей.

Завершая описание склепов, для которых характерен рассматриваемый обряд, отметим, что большинство исследователей не сопоставляло их с авестийскими погребальными сооружениями, хотя некоторые специалисты полагали, что обряд погребения в этих склепах — зороастрийский (Литвинский, Седов 1984: 85, 90). Судя по предписанию Видевдата, они могли бы быть «дахмами». Однако этому противоречит оставленный в склепах инвентарь. Таким образом, можно предположить, что эти погребальные постройки использовались одновременно и как «дахмы», и как «астаданы», о которых речь пойдет далее (Абдуллоев 1990: 118, 120).

Кости оставались в «дахме» год, после чего они становились чистыми. Тогда их собирали и помещали в «астадан» — костехранилище. В этом состоял третий и последний этап погребального обряда зороастрийцев, которые верили, что

сохранение костей необходимо для грядущего воскрешения мертвых. В пятом фаргарде Видевдата на вопрос о том, как поступить с костями умерших, Ахурамазда отвечает, что их следует поместить в «астадан», который защитит останки от дождевой воды и хищников, причем богатые люди могут выстроить «астадан», а бедные — оставить кости на земле, на матерчатой подстилке (Иностранцев 1909: 99; Хисматуллин, Крюкова 1997: 206, 218).

В Средней Азии находят небольшие глиняные, алебастровые, каменные и керамические ящички. Археологи называют их «оссуариями», что в переводе с латыни означает «костехранилище». Ящички имеют разную форму и величину (20–30 × 45–55 см). Костехранилища, найденные в Хорезме, выполнены в виде фигуры сидящего человека. Они считаются древнейшими на территории Средней Азии (Рапопорт 1971: 50, 55). В I–IV вв. н.э. эти оссуарии сменяются костехранилищами, имитирующими различные постройки (замки, башни, мавзолеи). В VI–VIII вв. н.э. преобладают прямоугольные и овальные в виде юрты костехранилища с крышками.

Большинство этих изделий, за исключением статуарных, украшено рельефами и росписью. На них встречаются геометрические узоры и сюжетные композиции, например, сцены оплакивания умерших, погребальной процессии, загробного суда и др. На одном из костехранилищ, обнаруженных в некрополе поселения Ток-кала, в Хорезме, была изображена сцена оплакивания покойника: тело мужчины окружено плакальщицами и плакальщиками, причем некоторые из них стоят, а другие сидят. В изголовье покойного сидела, вероятно, его вдова в черной траурной одежде (Гудкова 1964: 90, 91) (рис. 2).

Костехранилища помещали в специальные погребальные сооружения. Весьма ценные в этом отношении материалы были получены при раскопках некрополей Пенджикента (Ставиский, Большаков, Мончадская 1953: 64, 95; Ставиский 1954: 4, 25), Миздахкана (Ягодин, Ходжайов 1970: 50, 85), Ток-калы (Гудкова 1964: 85, 91), Ахангарана (Агзамхаджаев 1962: 20–25), Пескента (Буряков 1968: 130, 136) и Байрам-Али (Ершов 1959: 20, 35), где были обнаружены паховые и сырцовые однокамерные наземные склепы с невысоким входом. В них помещали костехранилища с предварительно очищенными костями. Каждый склеп принадлежал отдельной семье. Там покоились останки 10–12 человек разного пола и возраста. В склепах также находился погребальный инвентарь.

Хотя описание «астадан» в Видевдате не содержит сведений о керамических, глиняных, алебастровых и каменных гробиках с крышками для хранения человеческих останков, именно в них помещали предварительно очищенные по зороастрийскому обряду кости покойника. Поэтому, вне всякого сомнения, можно считать, что склепы, в которые помещали гробики с костями людей, являлись зороастрийскими погребальными постройками «астаданами».

Рассмотрим далее, как зороастрийский погребальный обряд был вытеснен мусульманским. В первые века исламизации Ирана и Средней Азии общины зороастрийцев еще существовали в обоих регионах. В X–XIII вв. н.э. в результате преследований и погромов со стороны мусульман небольшая часть зороастрийцев переселилась из Ирана в Индию, где их стали называть парсами. Остальное население Ирана постепенно приняло ислам, за исключением малочисленной группы, сохранившей зороастризм до настоящего времени.

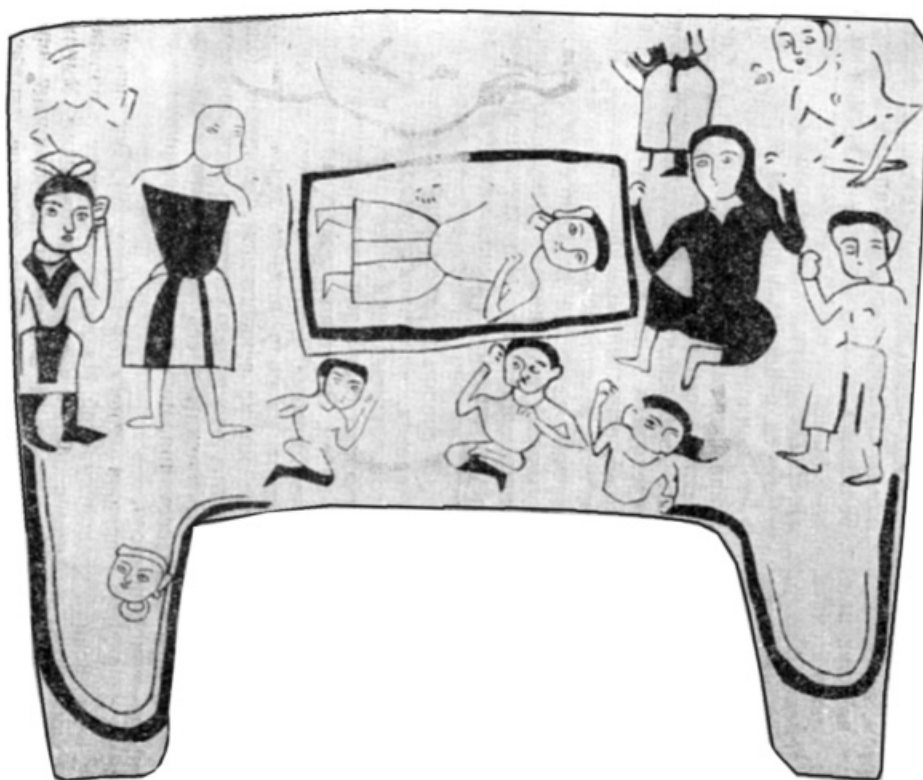

Рис. 2. Хорезм, некрополь Ток-кала (VIII в.), сцена оплакивания на гробике

В отличие от Ирана, в Средней Азии зороастризм был вытеснен, вероятно, к началу XIV в. Судя по археологическим данным, еще в XIII в. небольшая община зороастрийцев проживала под Самаркандом в местечке Фринкент. Об этом свидетельствует обнаруженное здесь зороастрийское кладбище (Григорьев 1939: 144, 150).

Зороастрийцы помещали покойника в «дахму» на четвертый день после смерти, так как в этот день душа усопшего должна была переселиться в загробный мир. У мусульман погребение должно совершиться как можно скорее, даже в день смерти. Перед похоронами умершего обмывают профессиональные обмывальщики, затем его заворачивают в саван. Над телом читают особую молитву, после чего его кладут на носилки и почти бегом, сменяя друг друга, несут на кладбище (Рахимов 1953: 107, 130; Петрушевский 1966: 86, 87).

По мусульманскому обычаю покойников хоронят в земле. Профессиональные могильщики копают могилу, причем ее воспрещалось рыть во время восхода и захода солнца. Глубина могилы не должна превышать роста человека. В одной из ее боковых стен, на уровне дна рыли нишу (араб. *ляхад*) для покойника. В каменистой почве копали могилы без ниш. Могилы для женщин, которые, в соответствии с шариатом, считались более грешными, были глубже, чем для

мужчин. Тело мужчины в могилу мог уложить любой человек. По-иному обращались с трупом женщины. Посторонний человек не имел права опустить его в могилу, так как прикосновение чужого даже через саван считалось грехом. Исключение делалось для дяди по матери, который считался умершей ближе отца, братьев и даже мужа. Покойника помещали в нишу, которую затем закрывали кирпичами. При этом лицо умершего должно быть повернуто в сторону Мекки. Не разрешается участие в похоронах женщинам, включая мать покойного (Рахимов 1953: 115, 130).

Начиная с середины VIII в. в погребальном обряде народов Средней Азии происходят коренные перемены, связанные с внедрением новой религии — ислама. Согласно археологическим данным, этот процесс происходил постепенно. Можно выделить два периода перехода от зороастрийского погребального обряда к мусульманскому.

В течение первого периода (середина VIII—до начала IX в. н. э.) в погребальном обряде преобладают зороастрийские традиции. В это время еще сохраняются захоронения предварительно очищенных костей покойника в керамических гробиках. Однако теперь их стали зарывать в землю. Погребения такого типа обнаружены на кладбищах Пенджикента и Миздахкана. На кладбище Пенджикента, которое находилось в 3 км к юго-востоку от городища, были раскопаны две могилы. В одной из них гробиком служил хум, в другой обнаружен керамический овальный оссуарий с плоской крышкой, причем его края увенчаны зубцами (рис. 3, 1). В этих гробиках нет погребального инвентаря.

На городском кладбище городища Миздахкан также не обнаружены наземные погребальные постройки, отмечавшие на поверхности местоположение захоронений в керамических оссуариях. Керамический гробик устанавливали в подбое, ориентированном в сторону Мекки, причем подбой находился в боковой юго-западной стене могилы. Захоронения производили без погребального инвентаря (Ягодин, Ходжайов 1970: 110, 126) (рис. 3, 2).

Археологические материалы, полученные при раскопках некрополей Пенджикента и Миздахкана, показывают, что на первом этапе перехода от зороастрийского погребального обряда к мусульманскому еще сильны элементы зороастризма: выставление покойника на «дахму» либо расчленение трупа, а затем погребение человеческих костей. Вместе с тем уже прослеживается влияние ислама: захоронение костей в гробиках (без погребального инвентаря) в яме или в яме с подбоем, ориентированным в сторону Мекки.

В течение второго периода перехода от зороастрийского погребального обряда к мусульманскому (начало IX—начало XIV вв.) полностью исчезают погребения человеческих костей в гробиках и без них. В это время в Средней Азии широко распространен обряд захоронения в кирпичных ящиках, содержащих трупоположения без погребального инвентаря. Умершие ориентированы головой на юго-запад, лицом в сторону Мекки. Погребения такого типа становятся массовыми и встречаются почти на всех городских и сельских кладбищах Средней Азии. Например, в Узбекистане: Афрасиаб (Брусенко, Бурякова, Филанович 1975: 105, 111; рис. 3, 3, 4), Миздахкан, Ток-кала (Ягодин, Ходжайов 1970: 144, 147; Гудкова 1964: 101, 107), Кува (Булатова 1965: 139, 146), Бухара (Сухарев 1940: 69, 71); в Туркменистане — Байрам-Али (Ершов 1959: 160, 166) и в Кыргызстане: Сарыг и Кысмычи (Бернштам 1950: 30, 34).

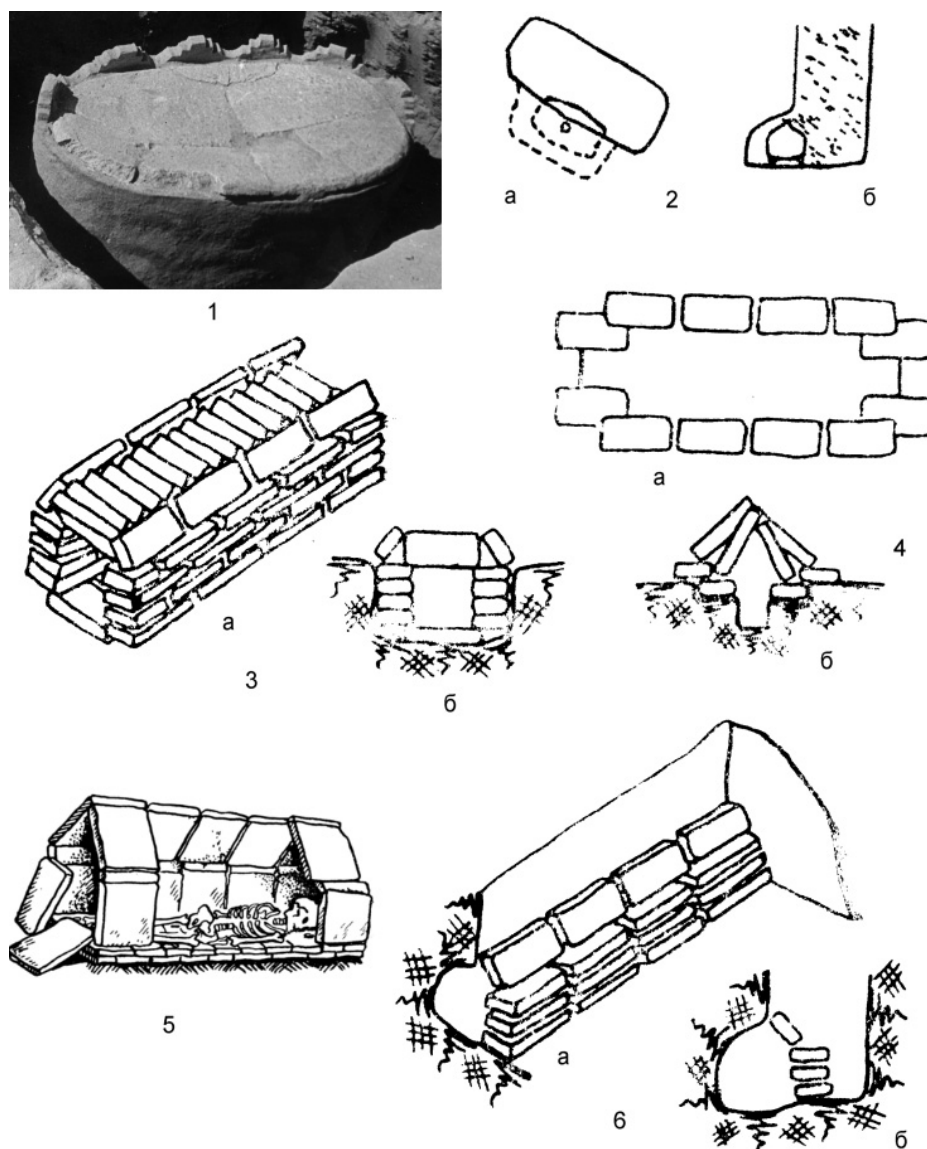

Рис. 3. Типы погребальных сооружений:

1 — Древний Пенджикент (750–760 гг.), керамический гробик с человеческими костями в могиле (НА ИИМК РАН, ФА, О-3064, 25); 2 — Хорезм, некрополь Миздахкан (середина VIII в.), керамический гробик с человеческими костями в подбое (а — план, б — разрез); 3, 4 — Самарканд (Афрасиаб, начало IX–начало XIV вв.), труположения в кирпичных ящиках (а — аксонометрия и план, б — разрез); 5 — Душанбинский некрополь (III–II вв. до н. э.), захоронение в кирпичном ящике; 6 — конструкция могилы с мусульманским погребальным обрядом, утвердившаяся в Средней Азии с начала XIV в. (а — аксонометрия, б — разрез)

Кирпичные ящики сделаны из сырцового или из жженого кирпича. Это подземные или полуподземные сооружения, сооружавшиеся внутри могильной ямы, углубленной в грунт на 25–45 см, шириной 80 см и длиной в рост человека. После обкладки стен кирпичом ширина могилы сужалась до 35–40 см. Стенки ящика обычно выполнены из одного, трех или пяти рядов кладки без скрепляющего раствора. Таким же способом выведены и плоские, двускатные или плоско-выпуклые перекрытия из кирпича. В большинстве случаев дно ящиков также выложено кирпичом.

Почти все исследователи считают этот тип захоронения мусульманским. Лишь В. А. Булатова видит в кирпичных ящиках рудимент зороастрийских гробиков-костехранилищ в новом мусульманском обряде. Следует отметить, что кирпичные ящики существовали в Средней Азии еще в доисламское время. Самые ранние сооружения такого типа (захоронения в цистах из Душанбинского некрополя) датируются III–II вв. до н. э. (Литвинский, Седов 1984: 94, 95; рис. 3, 5), а самые поздние (некрополь Старого Мерва) относятся к V–VII вв. н. э. (Ершов 1959: 160, 204). Поэтому для погребальных сооружений Средней Азии IX–XIV вв. характерна доисламская традиция захоронений в кирпичных ящиках.

Сопоставляя кирпичные ящики доисламского времени с мусульманскими, можно сказать, что между ними много общего. Во-первых, они сделаны из одного и того же строительного материала. Во-вторых, форма и конструкция всех кирпичных ящиков идентична. В-третьих, для них характерен одинаковый способ захоронения: труположение. Отличия проявляются в том, что рассматриваемые погребальные сооружения исламского времени ориентированы в сторону Мекки и в них нет погребального инвентаря. Таким образом, захоронения в кирпичных ящиках свидетельствуют о том, что в погребальном обряде переплетаются пережитки старых верований и новых мусульманских обычаев.

Новая классическая мусульманская форма могилы: могильная яма с подбоем (ляхад), судя по археологическим данным, постепенно вытесняет захоронения в кирпичных ящиках лишь в начале XIV в. Именно с этого времени подбойная могила занимает господствующее положение в погребальном обряде народов Средней Азии и продолжает существовать до наших дней (рис. 3, 6).

Несмотря на то что ислам запрещает возводить над могилами какие-либо сооружения, на практике в Средней Азии их продолжали строить над могилами правителей. К таким сооружениям относятся мавзолеи Саманидов в Бухаре (IX–X вв.; рис. 4, 1), Гурии-Мир в Самарканде (XIV–XV вв.). Некоторые из них сохранили зороастрийское название «дахма», например «Дахма-йи Шахан» в Коканде (XIX в.; рис. 4, 2). Мавзолеи возводили также над могилами известных религиозных авторитетов (ал-Хаким ат-Термези в Термезе, XI–XII вв.) и святых (Шах-и Зинда в Самарканде, XIV в.).

Квадратная, прямоугольная или крестообразная планировка мавзолеев (рис. 4), с купольным, сводчатым или плоским перекрытием идентична среднеазиатским «дахмам-астаданам» доисламского времени. Различия между зороастрийскими и мусульманскими сооружениями проявляются в погребальном обряде и строительном материале. Мавзолеи целиком построены из жженого кирпича, и в них хоронили по мусульманскому погребальному обряду. Однако встречаются мавзолеи, для которых характерны элементы зороастрийской

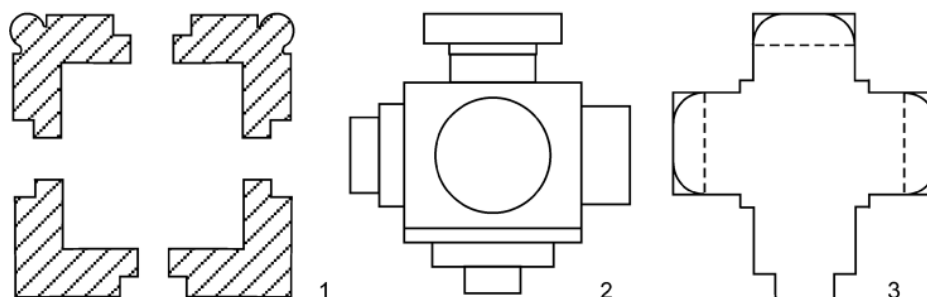

Рис. 4. Схемы планировки мавзолеев: 1 — Бухара, мавзолей Саманидов (IX–X вв.); 2 — Коканд, «Дахма-йи Шахан» (XIX в.); 3 — мавзолей Сари Тал (IX–XII вв.) в Таджикистане

погребальной архитектуры. Планировка таких построек повторяет «дахмы-астаданы» доисламского времени. Так, подземные мавзолеи, обнаруженные в селе Сари Тал (в Кафирниганской обл. Таджикистана), имели крестообразную планировку (Якубов 1979: 144, 145), причем центральное помещение сделано в форме неправильного квадрата ($2,1 \times 2,2$ м) с четырьмя нишами (рис. 4, 3). В них находились завернутые в саваны умершие, лежавшие на спине и ориентированные лицом в сторону Мекки, причем погребальный инвентарь отсутствовал. Самый ранний из этих мавзолеев относился к IX–XII вв. (Якубов 1979: 140, 145), а самый поздний — к XIX в. (Агзамхаджаев 1965: 159, 165). Эти мавзолеи являлись семейными усыпальницами.

Таким образом, в Средней Азии со II в. до н. э. и до наших дней существовало несколько обрядов захоронения. Хронологически их можно разделить на три этапа.

Первый этап — доисламский (II в. до н. э.—середина VIII в. н. э.), когда господствовал зороастрийский погребальный обряд. Археологические материалы показывают, что в это время существовали все зороастрийские погребальные постройки, известные по письменным источникам.

Второй этап — переходный от зороастрийского к мусульманскому (середина VIII—начало XIV вв.). В начале его (середина VIII—начало IX в.) еще практиковали выставление покойника на «дахму», но вместе с тем прослеживаются признаки мусульманского погребального обряда: отсутствие погребального инвентаря, помещение гробиков с человеческими костями в могильную яму или в могилу с боковой нишей (ляхад), ориентированной в сторону Мекки. Позднее (начало IX—начало XIV вв.) распространяется обряд захоронения умерших в кирпичных ящиках (цистах). Конструкция ящиков и положение тела покойного (на спине) остаются зороастрийскими, однако отсутствие погребального инвентаря и ориентация лица покойника в сторону Мекки характерны для мусульманского погребального обряда.

Третий этап — мусульманский (с начала XIV в. до настоящего времени). Покойников хоронят в земле, глубина могилы не должна превышать роста человека, в одной из ее боковых стен на уровне дна вырыта ниша, в которую покойника укладывали лицом в сторону Мекки, без погребального инвентаря.

Абдуллоев 1990 — *Абдуллоев Д.* Пережитки зороастризма в погребальном обряде ислама // Борбад и художественные традиции народов Центральной и Передней Азии: История и современность. Душанбе, 1990. С. 118–120.

Агзамхаджаев 1962 — *Агзамхаджаев Т.* Ахангаранские наусы близ Чирчика // ИМКУз. 1962. Вып. 3. С. 20–35.

Агзамхаджаев 1965 — *Агзамхаджаев Т.* Археологическая разведка в селении Пангоз // ИМКУз. 1965. Вып. 6. С. 150–169.

Бартольд 1966 — *Бартольд В. В.* К вопросу об оссуариях Туркестанского края. М., 1966 (Соч. Т. 4).

Бернштам 1950 — *Бернштам А. Н.* Чуйская долина. 1950 (МИА. № 14).

Бичурин 1953 — *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1953 (Собр. соч. Т. 3).

Брусенко, Бурякова, Филанович 1975 — *Брусенко З. Л., Бурякова Э. Ю., Филанович М. И.* К истории сложения мусульманского кладбища в северной части Афрасиаба // Афрасиаб. Ташкент, 1975. Вып. 4. С. 105–130.

Булатова 1965 — *Булатова В. А.* Некрополь X–XI вв. в Куве // ИМКУз. 1965. Вып. 6. С. 139–146.

Буряков 1968 — *Буряков Ю. Ф.* Пскентские наусы // СА. 1968. № 3. С. 131–142.

Веселовский 1901 — *Веселовский Н. И.* О находке глиняных гробов в Самарканде // ЗВОРАО. 1901. Т. 13, вып. 1. С. 85–115.

Веселовский 1907 — *Веселовский Н. И.* Еще об оссуариях // ЗВОРАО. 1907. Т. 17, вып. 1. С. 176–190.

Григорьев 1939 — *Григорьев Г. В.* Зороастрийское костехранилище в кишлаке Фринкент под Самаркандом // ВДИ. 1939. № 2. С. 144–155.

Гудкова 1964 — *Гудкова А. В.* Ток-кала. Ташкент, 1964.

Ершов 1959 — *Ершов С. А.* Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али // ТЮТАКЭ. Ашхабад, 1959. Т. 5. С. 45–60.

Иностранцев 1909 — *Иностранцев К. А.* О древнеиранских погребальных обычаях и постройках // ЖМНП. 1909. Ч. 20. С. 95–121.

Литвинский, Седов 1984 — *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М., 1984.

Маршак и др. 2006 — *Маршак Б. И., Распопова В. И., Абдуллоев Д., Курбанов Ш. Ф., Хасанов М. Х., Шкода В. Г.* Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2005 году. СПб., 2006.

Мейтарчиян 1999 — *Мейтарчиян М. Б.* Погребальный обряд зороастрийцев. М., 1999.

Мирбабаев 1994 — *Мирбабаев А.* Дахмаки Курката и проблемы зороастрийской идеологии в северной Средней Азии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Душанбе, 1994.

Петрушевский 1966 — *Петрушевский И. П.* Ислам в Иране. Л., 1966.

Рапопорт 1971 — *Рапопорт Ю. А.* Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971.

Рахимов 1953 — *Рахимов М.* Обычаи и обряды, связанные со смертью и похоронами, у таджиков Кулябской области // ИООН АН ТаджССР. Сталинабад, 1953. Вып. 3. С. 115–130.

Ртвеладзе 1986 — *Ртвеладзе Э. В.* Средневековый могильник Бит-тепе в Чаганиане // СА. 1986. № 4. С. 194–209.

Ставиский 1952 — *Ставиский Б. Я.* К вопросу об идеологии доисламского Согда // Сообщения республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР. Сталинабад, 1952. Вып. 1. С. 45–59.

Ставиский 1954 — *Ставиский Б. Я.* Пенджикентский некрополь как памятник культуры Согда VII–VIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1954.

Ставиский, Большаков, Мончадская 1953 — *Ставиский Б. Я., Большаков О. Г., Мончадская Е. А.* Пенджикентский некрополь // МИА. М., 1953. № 37. С. 64–98.

Сухарев 1940 — *Сухарев И. А.* Мусульманские захоронения I вв. хиджры в городе Бухаре // Известия Узбекского филиала АН СССР. Ташкент, 1940. № 2. С. 60–85.

Толстов 1948 — *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948.

Хисматуллин, Крюкова 1997 — *Хисматуллин А. А., Крюкова В. Ю.* Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. СПб., 1997.

Ягодин, Ходжайов 1970 — *Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К.* Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.

Якубов 1979 — *Якубов Ю.* Саритальские склепы в Орджоникидзебадском районе // ИООН АН ТаджССР. Душанбе, 1979. № 4. С. 140–154.

STAGES OF TRANSITION TO THE MUSLIM FUNERAL RITE IN MIDDLE ASIA

D. Abdulloev

The paper deals with the transition from the Zoroastrian to Muslim funeral rite in Middle Asia. The author uses both written and archaeological records to identify the types of burial constructions («kata», «dahma», «astadan») associated with the Zoroastrian rite. These constructions show two methods of the corpse deposition захоронения: а) inhumation, on the back, the corpse was laid on the floor of the «dahma-astadan» together with burial goods; б) defleshed bones were placed in small ceramic, stone or alabaster coffins with lids and left on the «astadan» floor together with burial goods. The transition from the Zoroastrian funeral rite to the Muslim one can be divided into three stages. During the first stage (middle 8th–early 9th cc.) the deceased were still put on «dahma». At the same time, some traits characteristic of the Muslim rite also can be seen. The latter include the absence of burial goods and the placement of coffins with human bones into graves with side niches («lyahad») oriented towards Mecca. On the second stage (early 9th–early 14th cc.) the coffins were replaced with boxes made of bricks (cysts). The construction of the boxes and the method of burying (inhumation on the back) remain Zoroastrian, but there are no burial goods, and the face of the deceased is oriented towards Mecca. It was on the third stage (from the early 14th c. and up to the present) that the Muslim funeral rite became dominant. The deceased are buried in the earth, in the graves which are not deeper than the average human stature, without any burial goods. One of the grave walls has a niche dug at the level of the bottom. The corpse is laid into this niche with its face oriented towards Mecca.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Издаются с 1939 г.

199

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ, КАВКАЗА И СИБИРИ

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. Т. КРУГЛИКОВА

МОСКВА «НАУКА» 1990

³⁴ *Артамонов М. И.* Сокровище саков. М., 1973. С. 39. Рис. 43, 44; С. 41. Рис. 49; С. 57. Рис. 71.

³⁵ *Бернштам А. Н.* Берккаринская пряжка: (О скифской традиции в сарматском ис-

кусстве)//КСИИМК. 1947. Вып. 17. С. 9—11.

³⁶ *Ильинская В. А.* Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве//СА. 1971. № 2. С. 69.

Д. АБДУЛЛОЕВ

К СТРУКТУРЕ ТРОННЫХ ЗАЛОВ ДВОРЦОВ ПРАВИТЕЛЕЙ МАВЕРАННАХРА VII—VIII ВВ. Н. Э.

Среди архитектурных памятников, открытых на территории Средней Азии, особое внимание привлекают дворцовые постройки среднеазиатских правителей VII—VIII вв. н. э. Благодаря археологическим исследованиям появилась возможность не только судить об устройстве и убранстве этих дворцов, но и выделить в них общие признаки. В этом плане представляется важным вопрос о структуре тронных залов дворцов правителей Мавераннахра VII—VIII в. н. э. Ценные материалы для такого выяснения были получены при раскопках дворцов бухарских, уструшанских и пенджикентских правителей.

Дворец пенджикентских правителей находился на территории цитадели древнего Пенджикента и состоял из ряда парадных, жилых и хозяйственных помещений. В парадную часть дворца входили четыре больших зала, связанные между собой широкими проходами и длинным парадным коридором (рис. 1) ¹.

Главное место в этой части дворца занимал тронный зал (18,5×12,5 м) с нишей (4,70×4,50 м). Он имел два уровня пола. Низкая часть находилась у входа. Пологий, бесступенчатый подъем вел в более высокую часть, пол которой был приподнят на 0,6 м. В середине южной стены зала располагалась ниша, в которую вели две ступеньки. Вдоль стен зала, за исключением ниши, находились суфы. В нише помещался трон правителя (рис. 2).

Аналогичную структуру имел тронный зал (17,65×11,77 м) дворца правителей Уструшаны — Калаи Каххаха I². Отличие уструшанского тронного зала от пенджикентского состоит лишь в местонахождении прохода.

Другим ныне общеизвестным в науке является дворец «бухархудатов» — правителей Бухары в Варахше. Хотя последний был раскопан еще в 30-е годы нашего столетия, однако до сих пор не установлено местонахождение его тронного зала. Исследователи этого памятника В. А. Шишкин и В. А. Нильсен считали тронным залом так называемый «красный» зал (12×8,5 м). Вместе с тем они также отмечали, что в варахшинском дворце существовал и тронный двор. Им являлось помещение 29 (30×9 м) ³.

Следует отметить, что высказанное предположение относится ко времени, когда еще не были открыты подобные дворцовые комплексы в других областях Средней Азии, с которыми можно было бы сопоставить варахшинский дворец и его тронный зал. Что же касается точки зрения В. А. Шишкина и В. А. Нильсена по поводу «красного зала», то можно предположить, что небольшие размеры этого зала (12×8,5 м) не позволяют считать его тронным. Скорее всего тронным залом «бухархудатов» было помещение 29, в котором В. А. Шишкин и В. А. Нильсен видели тронный двор. В пользу этого говорят размеры помещения

(30×9 м) и самое главное — его структура, аналогичная структурам тронных залов дворцов Пенджикента и Уструшаны. Здесь также наблюдается расположение пола на двух уровнях. Южная часть зала была приподнята над остальной ее площадью образуя возвышение, на которое вели три ступеньки. Отличие заключается лишь в отсутствии ниши. Возможно, она была заложена при перестройке более позднего периода.

В отличие от Согда и Уструшаны, в Тохаристане была принята иная строительно-планировочная система тронных залов. Так, тронный зал, вскрытый на цитадели городища Кафыркала (Колхозабадский р-н ТаджССР), имеет прямоугольную форму (19×10 м). Вдоль всех стен прослеживаются суфы. В середине восточной и западной стен суфы имеют по два выступа, образующих прямоугольные площадки. Причем западный выступ ($6,16 \times 3,95$ м) на 10—15 см выше уровня суф, в то время как восточный ($5,25 \times 3,45$ м) на 20 см ниже их. В середине восточного выступа, примыкая к стене, находится очаг-алтарь⁴.

Следует отметить, что истоки рассматриваемой структуры тронных залов можно проследить в архитектурных памятниках Средней Азии

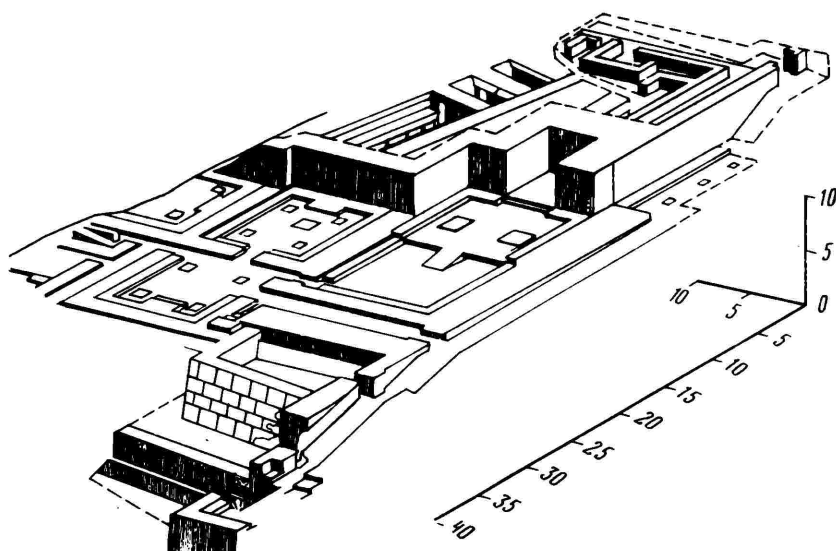

Рис. 1. Древний Пенджикент. Тронный зал. Реконструкция архитектора Л. Л. Гуревича

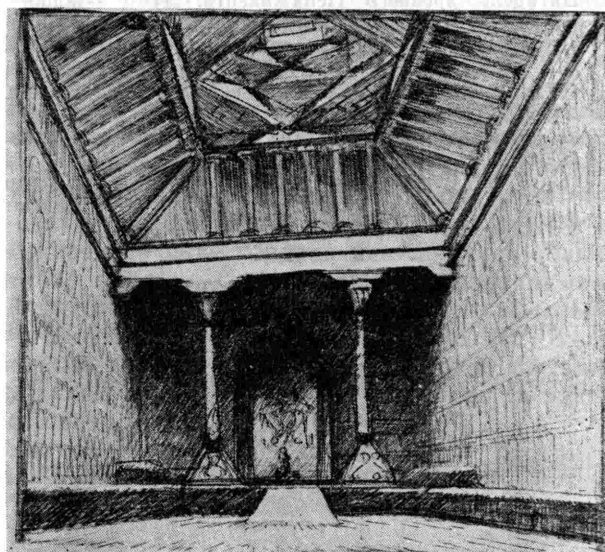

Рис. 2. Аксонометрия парадной части дворца пенджикентских правителей (помещение с нишей — тронный зал). Выполнил Л. Л. Гуревич

античного времени (Топраккала и Зартепе). В свою очередь, эта традиция продолжалась и в архитектуре X—XI вв. н. э. Например, структура тронного зала Газнавида Масуда II почти идентична структуре тронных залов правителей Согда и Уструшаны раннесредневекового периода.

Итак, в связи с вышеизложенным возникает вопрос: как объяснить наличие двух, четко выделенных, уровней полов тронных залов дворцов правителей Мавераннахра доисламского времени? Возможно, объяснение подобной структуры зала лежит в иерархическом делении высших слоев общества того времени. На официальных приемах и торжествах, происходивших во дворцах правителей, представители различных слоев общества должны были занимать соответствующее рангу место в зале. Важные сведения по этому поводу имеются в письменных источниках. Так, во время приема у наместника халифа в Хорасане Кутейбы ибн Муслима (700—715 гг.) прибыли общетохаристанский правитель и несколько правителей более низкого ранга. Увидев общетохаристанского правителя, они поцеловали его руку и сели ниже его¹.

Ценные материалы о подобном сословном делении на церемониях и торжествах во дворцах правителей Мавераннахра и Ирана имеются в письменных источниках более позднего времени. Любопытно в этом отношении описание тронного зала одного из Зияридов, Мардавиджа (убит в 935 г.). Источник сообщает, что он сидел на золотом троне, установленном на золотом помосте. Ниже был возведен помост из серебра, покрытый коврами, еще ниже находились золотые кресла и прочие сидения. Эти кресла были расположены так, чтобы везири могли занимать места согласно своему рангу². Не менее интересно описание пира во дворце Саманидов (IX—X вв. н. э.) поэтом Рудаки (858—941 гг.), который так сообщал о двух разрядах пирующих:

В одном ряду сидят эмиры и Балами,
В другом — азаты и старый дикхан Салих.
Царь на троне, на почетном месте,
Царь царей мира и эмир Хорасана³.

Итак, имеющиеся археологические материалы и сведения письменных источников свидетельствуют о том, что в структуре тронных залов правителей Мавераннахра нашло свое отражение иерархическое деление высших слоев общества того времени.

¹ Исаков А. Дворец правителей древнего Пенджикента//Страны и народы Востока. М., 1971. Вып. 10. С. 76—81; Он же. Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе, 1977.

² Негматов Н. Н. Исследования в северном Таджикистане//АО, 1971 г. М., 1972. С. 489—491; Воронина В. Л., Негматов Н. Н. Открытие Уструшаны//Наука и человечество. М., 1975. С. 51—71.

³ Шишкин В. А. Варахша. М., 1963; Нильсен В. А. Становление феодальной ар-

хитектуры Средней Азии (V—VIII вв.). Ташкент, 1966.

⁴ Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Раскопки на Аджинатепе и Кафыркале в 1970 г.//АРТ. 1970. Вып. 10. С. 157, 158.

⁵ Беленицкий А. М. Историко-географический очерк хуттала с древнейших времен до X в. н. э.//МИА, 1950. № 15. С. 113.

⁶ Буссе Г. Возрождение персидской монархии при Буидах//Мусульманский мир 950—1150 гг. М., 1981. С. 70.

⁷ Бертель Е. Э. История персидско-таджикской литературы. М., 1960. С. 145.